

Х и в а.

Хивинскій оазисъ, населенный осѣдлымъ, съ давнихъ временъ земледѣльческимъ населеніемъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ пустынями, охраняющими его самобытность. Къ этому надо прибавить еще то, что Хива лежитъ въ сторонѣ отъ главныхъ транзитныхъ путей. Въ нее попадаетъ только тотъ, кто специально хочетъ посѣтить, а это сопряжено съ немалой тратой времени. Такъ напримѣръ Александръ Македонскій не поѣхалъ самъ, въ Хиву, а вызвалъ къ себѣ на верхнее теченіе Амударьи хивинскаго царя, выразившаго ему свою покорность. Менѣе благополучно прошло для хивинцевъ появленіе монголовъ и Тамерлана, имѣвшихъ достаточно настойчивости, чтобы добраться до Хивы. Хивинцы до сихъ поръ приписываютъ монголамъ разореніе Куны Ургенча и другихъ городовъ. Тамерланъ не оставилъ дурной памяти. Произведенныя имъ опустошенія очевидно тоже ставятъ на счетъ монголовъ. Походъ Надиръ Шаха очень памятенъ хивинцамъ. Съ юга запада Хивы противъ сада Энгирикъ показываютъ около мечети громаднѣйшій карагачъ, подъ которымъ стоялъ шатеръ Надира. Но кромѣ грозныхъ завоевателей память народа сохранила и имена своихъ властителей.

Изъ новѣйшихъ правителей особенной любовью пользуется имя Мать Аминъ Хана, украсившаго Хиву разными зданіями, много сражавшагося съ туркменами и погибшаго трагической смертью въ Серахсѣ въ пятидесятыхъ годахъ этого столѣтія.

При всѣхъ этихъ тревоженіяхъ населеніе Хивы сохранило до сихъ поръ свой собственный своеобразный характеръ. По первому виду хивинецъ напоминаетъ туркмена. Также громадная мохнатая шапка изъ чернаго барана (бѣлыя носятъ рѣдко и то только прислугой и крестьянами) и красноватый съ полосками халатъ изъ шелковой смѣшанной съ бумагой ткани. На почетныхъ халатахъ есть пуговицы ввидѣ крупнаго серебрянаго шарика, чего нѣтъ у бухарцевъ. Хивинцы также подпоясываются кускомъ шелковой или бумажной ткани и не носятъ широкихъ поясовъ съ бляхами, какъ бухарцы. Португеса у хивинцевъ черезъ плечо, какъ у насъ; у бухарцевъ же португеса ввидѣ пояса вокругъ талии. Туркмены ли взяли свой костюмъ у

хивинцевъ или оба заимствовали у кого либо, не знаю. Но сходство съ туркменомъ кончается костюмомъ.

Насколько туркменъ любить жить въ кибиткѣ и кочевать съ мѣста на мѣсто, настолько хивинецъ дорожить своимъ домомъ и своей осѣдлостью. Хивинцы живутъ не въ деревняхъ, а отдѣльными усадьбами. Каждый стоитъ домъ особнякомъ, посреди своего поля. Отъ одного дома до другого шаговъ сто и болѣе. Изрѣдка видны два, три дома вмѣстѣ. Это значить, тутъ живутъ братья отъ одного отца, но и то стѣны не смыкаются, а отдѣлены хотя узкимъ промежуткомъ. Каждый домъ представляетъ маленькую крѣпость. Стѣны, слегка скошенныя, очень высоки. Громадныя ворота вдѣланы въ стѣнѣ, какъ въ крѣпости. Около воротъ, по угламъ и по фасадамъ на растояніи четырехъ, пяти сажень стѣны укрѣплены круглыми глиняными столбами въ видѣ контрфорсовъ. Столбы оканчиваются шишкой. Видъ дома напоминаетъ ассирійскіе барельефы. Если ворота открыты, то зияетъ темное отверстіе, такъ какъ первый дворъ крытый и совершенно темный. Онъ называется—даланъ. Сбоку возвышнѣе подъ навѣсомъ это—джилоухана; гдѣ останавливаются вошедшіе. Тутъ же дверь ведетъ въ михмонхану, комнату для болѣе продолжительныхъ остановокъ гостей. Эта комната освѣщается только черезъ окно въ потолокъ (дунюкъ), около расположены также кладовыя для хлѣба и дровъ. Хивинецъ въѣзжаетъ въ свой домъ прямо на арбѣ, оставляетъ ее въ даланѣ, а лошадь ведетъ въ глубь корридора, гдѣ налѣво—конюшня—саисхана. Самъ же онъ направляется направо, тутъ открытый дворикъ съ навѣсомъ на колоннахъ (айванъ), на этотъ навѣсъ выходитъ жилая камната (сарай), около нея темная кладовая для храненія домашняго имущества (казнакъ). Иногда дворикъ весь крытый, если онъ малъ. Въ комнатѣ полагается одна или двѣ двери, въ потолокъ четырехугольное окно (дунюкъ), подъ нимъ въ полу четырехугольникъ (адень) ввидѣ маленькаго бассейна для стока подающей дождевой воды, немного далѣе что то въ родѣ глинянаго корыта съ плоскими краями (учагъ), которое есть дѣйствительно очагъ, здѣсь зимой кладутъ угли для согрѣванія комнаты. Такъ какъ очагъ приходится не подъ отверстіемъ, а сбоку, то потолокъ закопченъ отъ дыма. Наконецъ есть еще узкое отверстіе вверху стѣны подъ потолкомъ, повидимому на случай, если прійдется закрыть верхнее окошко. Вообще хивинцы склонны обходиться совсѣмъ безъ оконъ на манеръ обитателей древнихъ домовъ въ Помпеѣ.

Наружныя ворота дѣлаются почти всегда на южную сторону. Мѣсто передъ имни (руихоули) содержится очень чисто, такъ какъ хивинецъ любитъ сидѣть въ холодное время у воротъ и грѣться на солнцѣ.

Жилище хивинца обыкновенно темно; сквозь отверстіе въ потолокъ наискось падаетъ дрожащій столбъ свѣта на полъ или на стѣну, смотря по времени дня, оставляя остальную часть комнаты въ полумракѣ.

Обстановка комнатъ очень проста. Кровати рѣдки; обыкновенно все сводится къ войлокамъ на полу. Ковровъ мало. Даже во дворцѣ, гдѣ полъ уланъ коврами, ханъ сидитъ на сложенной вдвое кошмѣ. Какъ извѣстно по старому обычаю, при вступленіи на престолъ новаго правителя поднимаютъ на кошмѣ. Этотъ обычай существуетъ до сихъ поръ еще въ Бухарѣ.

Взади дома въ севѣрной стѣнѣ маленькая калитка. Передъ ней посажено нѣсколько деревьевъ. Тутъ обыкновенно сидятъ женщины и дѣти, лѣтомъ проводя цѣлые дни. Иногда разводится садикъ и обносится оградой, но она непременно ниже стѣны дома, дабы не нарушать и не увеличивать длины главной оборонительной линіи.

Вообще вопросъ обороны стоитъ на первомъ мѣстѣ, какъ при постройкѣ хижины, такъ и дворца; ему подчиняются всѣ прочія соображенія. Дабы не оставлять ничего снаружи своего дома, хивинецъ сѣно и соломѣ кладетъ на крышу. Около дома, а если садъ достаточно просторенъ то въ немъ, устраиваютъ бассейнъ и по угламъ сажаютъ карагачи. Карагачи непременно сажаютъ около бассейна. Таковъ обычай. Хотя надобности для самого карагача въ этомъ повидимому нѣтъ. Мнѣ приходилось видѣть засыпанные бассейнъ, и карагачи продолжали прекрасно расти.

Остальные деревья недолговѣчны въ Хивѣ, такъ какъ корни ихъ, проникая сквозь тонкій слой плодородной почвы, достигаютъ подпочвенной солонцеватой воды и вянутъ. Тополи вырастаютъ высоко, но на тридцатомъ году ихъ рубятъ, такъ какъ они начинаютъ портиться.

Послѣ тополя и карагача наиболѣе распространены тутъ и фруктовыя. Что же касается дуба, орѣха и чинара, то они составляютъ большую рѣдкость.

Необходимую часть домашняго обихода хивинца составляетъ его арба. Можно сказать, что домъ, арба и лодка хивинца представляютъ изъ себя наиболѣе оригинальные предметы и наиболѣе

типичные въ хивинскомъ оазисѣ. Арба — двухколесная. Какъ извѣстно, двухколесные экипажи были наиболѣе распространенными въ древности. Древнѣйшее упоминаніе о хивинской арбѣ, насколько намъ извѣстно, встрѣчается у китайскаго путешественника 6 вѣка по Р. Х., который добавляетъ, что Хива была единственнымъ мѣстомъ въ Туркестанѣ, гдѣ есть волы съ телѣгами (Профес. Бартольдъ. Свѣдѣнія объ Аральскомъ морѣ и низовьяхъ Аму-Дарьи съ древнѣйшихъ временъ до 17 вѣка стр. 25). Теперь арбы запрягаются лошадьми. Откуда хивинцы взяли свои арбы, не знаю. У тюрковъ и финновъ колесныхъ экипажей не было (Schrader Reallexicon, стр. 929) персы, теперь колесныхъ экипажей туземнаго типа тоже не имѣютъ. Въ древности они заимствовали свои экипажи, какъ и многіе другіе предметы культуры изъ Ассиріи. Въ Ассиріи арбы встрѣчаются за 1200 лѣтъ до Р. Х. Въ Европѣ арбы были съ сплошными колесами. Въ Португаліи до сихъ поръ есть двухколесныя арбы съ массивными колесами съ одной сплошной спицей по діагонали. Чѣмъ далѣе на Востокъ, тѣмъ колеса становятся легче, а число спиць больше. Ассирійская арба имѣла восемь спиць (Барельефъ у Рагозиной Исторія Ассиріи стр. 245) Современная двухколесная арба въ Индіи — 10 и 12. Наибольшее число спиць встрѣчается въ Средней Азіи: въ Ташкентѣ шестнадцать, въ Хивѣ — восемнадцать, что надо приписать вязкой глинистой и сыпучей песочной почвѣ.

Тожѣ мы находимъ и у боевыхъ колесницъ, которыя имѣли четыре спицы въ Греціи, шесть въ Египтѣ и Ассиріи, восемь и болѣе въ Персіи.

Нынѣшняя хивинская арба отличается отъ туркестанской. Она меньше, уже, тяжелѣе, имѣетъ болѣе первобытный видъ. Діаметръ колеса меньше, а ободъ и спицы шире. Человѣкъ который править ею, сидитъ не на холкѣ лошади, какъ въ Туркестанѣ, а на самой арбѣ, поставивъ ноги на основаніе оглоблей. На спинѣ у лошади что то въ родѣ сѣдла съ торчащей вверхъ палкой съ рогулькой, на которую кладутъ возжи. У лошади есть что то въ родѣ нашей дуги, но перевернутой, такъ что изогнутая часть ввидѣ лиры приходится подъ шеей, а концы торчатъ вверхъ.

Хивинецъ не любитъ ходить пѣшкомъ. Верховыхъ лошадей держать люди состоятельные, а обычное движеніе совершается на арбахъ. Во всякое время дня можно видѣть, какъ разверзаются

громадныя ворота хивинскаго жилища и изъ нихъ мрачныхъ пѣдръ появляется хивинецъ, возсѣдающій на своей колесницѣ.

Своеобразный отпечатокъ носить также хивинская лодка (киме). Ребра ея идутъ не по дну, а надъ бортами, стягивая ихъ поперекъ судна. Отъ одного ребра до другого около сажени. Гвоздей мало. Дерево пригнано кусокъ къ куску. Носъ и корма подняты. Паруса четырехугольные. Общій видъ напоминаетъ варяжскіе струги. Является ли конструкція киме мѣстнымъ изобрѣтеніемъ или заимствованнымъ, не знаю. Древнѣйшее свѣдѣніе о лодкахъ на Аму-Дары относится къ временамъ Александра Македонскаго.

Расбросанныя отдѣльно другъ отъ друга хивинскіе дома имѣютъ между собою извѣстную связь, а именно извѣстное количество усадебъ составляютъ вмѣстѣ приходъ, по хивински „коумъ“. Оня имѣютъ одну общую мечеть съ муллою (имамомъ), который исполняетъ религіозныя требы „коума“ и завѣдуетъ обученіемъ дѣтей. Нѣсколько домовъ выбираютъ себѣ почетнаго старшину, который зовется кетхуда, при чемъ онъ можетъ быть и человекомъ молодымъ, но уважаемымъ и толковымъ. Такихъ кетхудъ въ коумѣ можетъ быть нѣсколько, но бываетъ и одинъ.

Затѣмъ слѣдуетъ уже первая административная единица, непосредственно соприкасающаяся съ властями, это — аксакаль. Одинъ, два, не болѣе трехъ коумовъ выбираютъ аксакала (сельскій староста). Выборы аксакала производятся при участіи казія, подъ наблюденіемъ бека, который представляетъ выборы въ Хиву на утвержденіе Наслѣдника, выдающаго документъ „петекъ“ на званіе аксакала. Аксакалы какъ и другіе должностныя лица, жалованья не получаютъ, но пользуются почетомъ и приглашаются на свадьбы, обрѣзанія, похороны и прочія торжеотвенныя случаи, сопровождаемыя ѣдой. Всякій праздникъ влечетъ за собой убіеніе барана и соотвѣтственное угощеніе въ зависимости отъ средствъ и щедрости хозяина. Хивинецъ ѣстъ сравнительно немного и съ уныніемъ на похоронахъ, больше на поминкахъ, не принуждено при обрѣзаніи и окончательно распускаетъ свой поясъ на свадьбахъ.

На ряду съ кетхудами и аксакалами почетное мѣсто въ общинѣ занимаетъ и мулла. Полный причтъ сельской мечети кромѣ муллы составляютъ еще азанчи — призывающій на молитву и мектебхонечи — учитель, преподающій грамоту; но иногда всѣ эти должности соединяются въ лицѣ одного муллы.

Мирное теченіе сельской жизни нарушается два раза въ годъ, причиняя массу хлопотъ мѣстнымъ нотаблямъ и всему населенію. Это происходитъ въ апрѣлѣ при пропускѣ въ арыки первой воды, и въ сентябрѣ при сборѣ податей. Первое изъ этихъ событій переворачиваетъ все вверхъ дномъ. Нужно очистить не только всю ирригаціонную сѣть, бездѣйствующую цѣлую зиму, но и магистральные арыки, ведущіе воду изъ Аму-Дарьи. Хивинскій оазисъ существуетъ, благодаря четыремъ большимъ каналамъ: Палванъ, Газаватъ, Шаватъ и Клычъ Ніязъ Бай и нѣсколькимъ малымъ, орошающимъ прибрежныя мѣстности. Каждый отдѣльнымъ арыкомъ, орошающимъ коумъ, завѣдуетъ особое лицо — Мирабъ; онъ набираетъ «казучи» — работниковъ изъ мѣстныхъ жителей, отбывающихъ натуральную повинность по очисткѣ канавъ. Но кромѣ того мирабамъ и ихъ людямъ приходится являться и на очистку магистралей. Для очистки головы такого арыка на берегу Аму-Дарьи собирается до двухъ и болѣе тысячъ человѣкъ. Наслѣдникъ или кто либо изъ первыхъ сановниковъ лично является, чтобы слѣдить за успѣшнымъ ходомъ работъ, отъ которыхъ зависитъ участь земледѣлія въ ханствѣ.

Свѣдѣнія о движеніи воды отъ человѣка къ человѣку проносятся по всей странѣ и ежедневно докладываются при дворѣ.

Менѣе грандіозно, но тоже оживленно происходитъ сборъ податей въ сентябрѣ.

Въ то время въ городахъ ханства появляются новыя лица чиновники, командированные изъ Хивы, — диваны и другія чины, умѣющіе хорошо писать и считать. Аксакалы ообираютъ съ жителей подать при помощи кетхудъ и сдаютъ бекамъ.

Сельскому населенію по своимъ частнымъ пуждамъ приходится пряходить въ соприкосновеніе еще съ однимъ классомъ должностныхъ лицъ. Это — казіи Въ бекствѣ бываетъ отъ одного до четырехъ казіевъ. Это люди не только грамотные, но получившіе высшее духовно—юридическое образованіе въ мусульманскомъ духѣ и выдержавшіе экзаменъ. на которомъ проваливаются многіе кандидаты. Экзамены бываютъ каждый годъ въ Хивѣ, Экзаменъ конкурсный по числу вакансій на должность казія. Выдержавшіе экзаменъ лица, по докладу Наслѣдника, получаютъ отъ Хана фирманъ на званіе казія; сами заказываютъ себѣ должностную печать и затѣмъ приступаютъ къ исполненію

*) По свѣдѣніямъ В. Н. Корнилова.

своихъ обязанностей. Жалованья казіи не получаютъ, но имѣютъ право на вознагражденіе отъ лицъ, къ нимъ обращающихся. Казій рѣшаетъ дѣла въ судебномъ порядкѣ по шаріату, несетъ обязанности судебного пристава по описи населѣдствъ, назначаетъ опеку и совершаетъ нотаріальныя акты: купчія крѣпости и пр.

Въ Хивѣ, какъ выше сказано, нѣтъ деревень. Но въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются базары. Это небольшое укрѣпленіе съ зубчатой стѣнной, внутри крытая улица съ лавками по обѣимъ сторонамъ. Кромѣ лавочниковъ и ремесленниковъ другихъ жителей нѣтъ. Да и самыя лавки открыты только одинъ или два дня въ недѣлю, когда съѣзжаются поселяне изъ окрестностей. Это же соблюдается и для базаровъ въ городахъ, гдѣ впрочемъ нѣкоторыя лавки открываются каждый день. Базарные дни бываютъ въ Хивѣ по понедѣльникамъ и четвергамъ, въ Ханкахъ по пятницамъ и вторникамъ, въ Ургенчѣ по воскресеніямъ и средамъ, въ Хезараспѣ по пятницамъ и понедѣльникамъ. Въ бѣдныхъ сельскихъ базарахъ одинъ торговецъ имѣетъ лавки разныхъ мѣстахъ. Миѣ пришлось видѣть такого торговца, ѣхавшаго верхомъ въ сопровожденіи слуги, везшаго два тючка съ товаромъ — Профес. Бартольдъ приводитъ слова Ибнъ Батуты XIV в., что и въ его время существовали базарные дни для разныхъ рынковъ (ст. 61).

На базарахъ мы встрѣчаемъ новыхъ должностныхъ лицъ, это базарные аксакалы и райсы. Они слѣдятъ за порядкомъ и поступленіемъ базарныхъ пошлинъ. Всякая торговля должна обязательно происходить на базарѣ. Тамъ есть базарные вѣсы, пользованіе которыми обязательно. Райсъ есть духовно административное лицо. Райсы живутъ въ городахъ въ числѣ отъ одного до четырехъ, но объѣзжаютъ и сельскіе базары. Райсъ слѣдитъ за чистотою вѣры или точнѣе за правильнымъ совершеніемъ религіозныхъ обрядовъ, преслѣдуетъ употребленіе спиртныхъ напитковъ и вообще все то, что запрещается религіей. Онъ же слѣдитъ за правильностью базарныхъ вѣсовъ и за исправностью дорогъ и мостовъ и даетъ разрѣшеніе на бракъ, который затѣмъ совершается приходскимъ муллою — имамомъ. Райсъ жалованья не имѣетъ, но получаетъ сборъ съ базара. Выходъ райса сокровождается извѣстной помпой. Его сопровождаетъ чело-
вѣкъ, несущій толстую плеть. Замѣтивъ какой либо безпорядокъ, райсъ тутъ же приступаетъ къ разбору дѣла, и его слуга немедленно приводитъ приговоръ въ исполненіе. Поэтому появленіе

раиса на базарѣ производить немалый переполохъ, сопровождающийся бѣгствомъ всѣхъ болѣе легкомысленныхъ элементовъ общества.

Центромъ провинціи является обыкновенно городъ, гдѣ живетъ бекъ, но есть провинціи, гдѣ города нѣтъ, и бекъ строитъ свой домъ около какого либо базара. Городъ состоитъ изъ двухъ частей: собственно города, окруженнаго стѣнной, и цитадели построенной на искусственномъ возвышеніи и окруженной иногда водой. Бываютъ еще предмѣстья безъ стѣнъ. Въ городѣ живетъ правитель провинціи — хакимъ, въ официальной русской перепискѣ ихъ принято называть беками, но строго говоря въ Хивѣ беками называются только принцы крови. Правители назначаются изъ лицъ лично извѣстныхъ Хану и часто должность переходитъ отъ отца къ сыну, оставаясь вообще долго въ однихъ рукахъ. Полиціей города завѣдуетъ миршебъ или пошебъ (собственно падишахи шебъ царь ночи), такъ какъ бдительность полиціи особенно требуется по ночамъ.

Ограниченность времени лишила меня возможности ознакомиться съ внутреннимъ бытомъ и обычаями хивинцевъ. Отмѣчу только, что при дворѣ и среди аристократіи маленькимъ дѣтямъ мальчикамъ отпускаютъ двѣ косы, которыя обрѣзываютъ въ возрастѣ до семи лѣтъ, что сопровождается празднествами. Обрѣзаніе волосъ на головѣ можетъ быть и отдѣльно. Происхожденіе обычая мнѣ неизвѣстно. Укажу лишь на сохранившійся въ Сіамѣ буддійскій обычай обрѣзать торжественно волосы на головѣ у дѣтей отъ 9 — 15 лѣтъ. Церемонія эта называется „чулавантамангаламъ“, и составляетъ одну изъ двѣнадцати, предписанныхъ закономъ Ману для ребенка, рожденнаго отъ людей, принадлежащихъ къ кастѣ.

Хивинская литература.

Въ настоящее время единственнымъ разговорнымъ и литературнымъ языкомъ въ Хивѣ является тюркскій. Въ качествѣ мертвыхъ языковъ изучаются арабскій и персидскій. Знаніе послѣдняго поддерживалось при помощи пришлыхъ персіянъ и персіянокъ преимущественно похищенныхъ изъ Персіи туркменами. Теперь притокъ персіянъ прекратился. Придворный хивинскій поэтъ, онъ-же докторъ Ахмедъ Табибъ, по его словамъ происходитъ отъ родителей, уроженцевъ Кучана въ Персіи.

Табибъ при мнѣ сочинялъ персидскіе стихи. Теперь ему тридцать лѣтъ.

Любимый хивинской поэтъ Агехи умершій въ XIX в. писалъ главнымъ образомъ по тюркски, хотя у него есть и персидскіе стихи.

Другой поэтъ, пользующійся извѣстностью, Мунисъ писалъ тоже по тюркски.

Изъ прежнихъ персидскихъ поэтовъ извѣстенъ Миръ Махмудъ Ибни Яминъ. Для меня была снята копія сборника его стиховъ (газелей) съ рукописи, принадлежащей Его Свѣтлости Хану Хивинскому и написанной въ 936 г. гиджры.

Сочиненія Агехи и Муниса мнѣ были присланы въ литографированныхъ изданіяхъ.

Имя знаменитаго поэта панегириста Рашида Ватвота извѣстно до сихъ поръ, но старанія мои достать копію съ его сочиненій остались безуспѣшными. Мнѣ сказали, что послѣдняя рукопись Ватвота была пріобрѣтена бывшимъ Начальникомъ Аму-Дарьинскаго отдѣла нынѣ Самаркандскимъ Губернаторомъ генералъ-маіоромъ Галкинымъ. Внуку Хана Насыръ Тюря былъ такъ любезенъ, что прислалъ мнѣ два стихотворенія Ватвота, сохранившіяся въ одномъ сборникѣ.

Его Свѣтлость Ханъ, интересуясь прошлымъ своей страны, приказалъ перевести на тюркскій языкъ трудъ персидскаго историка Мирхонда.

Изъ историческихъ трудовъ на тюркскомъ языкѣ извѣстенъ: „Шеджереи Туркъ“

Современныя свѣдѣнія почерпаются изъ турецкихъ источниковъ какъ энциклопедическихъ (Камусъ), такъ и константинопольскихъ періодическихъ изданій.

Образцы

1) Рубай Ватвота (XII в.)

I.

Какъ чисто вино въ твоёмъ
кубкѣ, о Шахъ

Враги же твои должны пить
кровь и прахъ.

Ты страшенъ врагу, и будь онъ
самъ Рустемъ,

Осла въ Хезараспѣ не тронуть
межъ тѣмъ.

ای شاه بجمامت می صافت نه دورد

اعدا ترا از غصه خون باید خورد

گر خصم توای شاه بود رستم کرد

یک خرز هزار اسپ که بتواند برد

II

Скрижаль временъ, омывши нынѣ
Отъ преступленія отца,
Ты—шахъ теперь. Мы видимъ

احدت ورق زمانه از ظلم بشست

عدل پدرت شکستی کرد درست

Добро и милость безъ конца,
1) Газель неизвѣстнаго поэта

ای بر تو قباى سلطنت آمده چست

(сообщена Мулла Маметъ Шери-
фомъ).

همان تاچه کنی که نوبت دولت تست

Міръ этотъ есть мельница, пол-
ная зла:

جهان اسيايست پر سيميا

Вращаются кровью ея жернова.
Два камня, гляди, окружаютъ
тебя:

که بر خون همیکردد این اسيا

دو سنگ زبر زیر اورا بوين

Одинъ изъ нихъ—небо, другой
же—земля.

یکی آسمان ودیگر زمین

Несчастный, ты словно зерно
межъ камней...

تویپچاره اندرمیان دانۀ

Коль мужества хватить, бѣги
же скорѣй.

بپرهیز اگر مرد مردانۀ

3) Надпись на клинкѣ шашки
Е. С. Наслѣдника.

زهوش فلاطون وش تیزتر

Ума Платона онъ острѣй,
Бровей красавицы опаснѣй.

زا بروی دلبر خون ریزتر

Искусства.

Быть хивинцевъ, какъ выше было сказано, отличается спартанской простотой, Здѣсь нѣтъ мѣста казалось бы для прихотей и роскоши. Однако въ одной отрасли промышленности сохранились и живы до сихъ поръ традиціи высокаго и своеобразнаго искусства. Это — рѣзьба по дереву и камню. Въ каждомъ хивинскомъ зданіи, будь то частный домъ или мечеть, есть непременно айванъ (балконъ), поддерживаемый деревянными колоннами. Колонны эти состоятъ изъ двухъ частей. Собственно колонны, круглой къ низу равномерно утолщающейся, съ круглымъ же основаніемъ, придающимъ колоннѣ отдаленное сходство съ нынѣшними дальнбойными скорострѣльными орудіями на морскихъ судахъ. Это круглый массивный конецъ покоится на тон-

комъ не болѣе трехъ вершковъ въ діаметръ стержнѣ обитомъ желѣзомъ, подъ нимъ деревянный, а по возможности, каменный базисъ. Какъ колонна, такъ и базисъ покрыты удивительнѣйшей рѣзбой превосходной по технику и замыслу. Такой же рѣзбой бывають покрыты и двери, которыя вмѣстѣ съ балками потолка являются единственными деревянными издѣліями въ домѣ, такъ какъ оконъ почти нѣтъ и мебели тоже, а полы — земляные или кирпичные. Орнаментъ этой рѣзбы напоминаетъ отчасти плетеніе изъ ивовыхъ прутьевъ. Попадаются и круглыя розетки. Крестообразнаго орнамента типичнаго для Туркестанскихъ рѣзныхъ работъ нѣтъ совсѣмъ.

Другая изящная вещь, дѣлаемая въ Хивѣ — это глазированные кирпичи. Любимые цвѣта синій и бѣлый; зеленаго, желтаго или совсѣмъ нѣтъ или такъ немного, что на извѣстномъ разстояніи они сливаются въ общій синій или глубокой фонъ. Даже наиболѣе пестрая постройка въ Хивѣ — Голубой минаретъ Мать Аминъ Хана, кажется такой только вблизи. Мнѣ совершенно не пришлось видѣть старинныхъ кирпичей, такъ какъ вообще всѣ старыя зданія въ Хивѣ скоро рушатся и ихъ приходится передѣлывать заново, поэтому я могу говорить только о глазированныхъ кирпичахъ XIX в. Они превосходны. Правда постройки съ такими кирпичами очень дороги и строятся рѣдко, но искусство глазировки поддерживается производствомъ глиняныхъ кувшиновъ для воды.

Въ техническомъ отношеніи нынѣшній кирпичъ не выдерживаетъ сравненія съ идеальнымъ кирпичемъ Купа Ургенча, совершенно не болящимся атмосферныхъ вліяній.

Хивинскія матерія, которыя мнѣ приходилось видѣть или состоятъ изъ однообразныхъ полосъ или одноцвѣтны.

Вышивокъ я не видѣлъ вовсе.

Посуда фаянсовая и фарфоровая — изъ Россіи, кромѣ глиняныхъ чашекъ и тарелокъ. Они похожи на туркестанскія. Чашка піала плоская и безъ ручекъ видомъ и именемъ напоминаетъ греческій фіаль и точно соотвѣтствуетъ арбузной горбушкѣ.

Въ Измухширѣ и Дарганатѣ мнѣ удалось собрать осколки фаянсовой посуды съ арабскими надписями и оригинальнымъ рисункомъ. Но мнѣ нигдѣ не попалось ни одного куска глазированнаго кирпича. Сотни кусковъ, которыя я пересмотрѣлъ въ разныхъ развалинахъ, всѣ были осколками посуды. Простой же

жженный кирпичъ желтоватаго и красноватаго цвѣтовъ я находилъ въ этихъ крѣпостяхъ въ древней, непотревоженной кладкѣ.

Образчики болѣе старыхъ (первая половина XIX в.) и какъ мнѣ казалось лучшихъ глазированныхъ кирпичей, а именно изъ остатковъ дворца въ Хезараспѣ, мною взяты для Ташкентскаго музея.

Остается сказать еще о мѣдной посудѣ. Она очень старой формы и представляетъ большой интересъ. Это мѣдные кувшины съ ручкой для холодной воды, чайники (тунче) для кипяченія, кувшины съ длиннымъ горломъ, но безъ ручки (офтобе) для умыванія и наконецъ какое то подобіе кувшиновъ самоваровъ, оригинальныхъ, но не знаю насколько старыхъ. Вся эта посуда отлично чистится, за исключеніемъ русскихъ самоваровъ, которые неизмѣнно подаются въ совершенно нечищенномъ видѣ.

Въ Измухширѣ мною были пріобрѣтены остатки древнихъ мѣдныхъ издѣлій: круглый подсвѣчникъ въ видѣ трепожника съ куфической надписью, шандаль, мѣдное кольцо отъ дверей и куски мѣдной утвари съ письменами, въ томъ числѣ половина мѣднаго диска, служившаго повидимому для астрологическихъ цѣлей, двѣ игрушки, мѣдная пластинка съ куфической надписью и ушками, вѣроятно служившая амулетомъ и др.

Приступая къ описанію отдѣльныхъ древнихъ городовъ Хивы, необходимо очертить общій характеръ мѣстности, гдѣ они расположены. Хивинскій оазисъ представляетъ тонкій пластъ земли, подъ которымъ находится подпочвенная соленая вода.*) Полтора, два аршина—вотъ глубина слоя, который заключаетъ въ себѣ все, что могло сохраниться за тѣ три тысячи лѣтъ, въ теченіи которымъ существованіе человека въ хивинскомъ оазисѣ можетъ считаться доказаннымъ. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на примѣръ отъ Дарганата до устья Палвана—мощная телща лесовой равнины выдается террасой над низменнымъ побережьемъ, такъ называемыми тугаями, Да на сѣверѣ, по краямъ оазиса, попадаются горы. Но на этихъ возвышенностяхъ населенныя мѣста могли возникнуть лишь въ видѣ исключенія. Вся жизнь сосредоточивалась въ низменности дельты и вдоль береговъ рѣки, какъ это было въ Египтѣ. Архелогу не прійдется спускаться въ глубину земли, такъ какъ уровень поверхности въ Хивѣ мало измѣнился за историческое время.

*) Мѣстами впрочемъ есть колодцы съ хорошей водой, зато въ другихъ мѣстахъ соль лежитъ на поверхности сплошнымъ налетомъ.

Лишенный возможности, благодаря близости подпочвенной воды, углубляться въ землю, хивинецъ употребилъ всѣ старанія, чтобы подняться вверху надъ ея поверхностью. Древнѣйшія постройки Хивы представляютъ изъ себя громадныя валы изъ глины, окружающіе четырехугольное продолговатое городище, длина котораго противъ воротъ относится къ ширинѣ какъ 2 — 4 или 3 — 5. Вслѣдствіе вынудой земли вокругъ городища образуется низменность, наполняющаяся водой и образующая родъ озера, а сама крѣпость становится островомъ. Таковы Хезараспъ и Бадрикентъ. Въ Измукширѣ окружавшая его впадина сравнилась съ общимъ уровнемъ земли, что свидѣтельствуется о древности постройки, но арабскіе географы еще упоминаютъ о рвахъ съ водой, окружавшихъ городъ; хотя понятіе рва мало подходитъ къ мелкому и широкому затопленному пространству. Черезъ это озеро къ воротамъ ведетъ насыпь. Она сохранилась въ Бадрикентѣ и Хезараспѣ. Верхняя часть стѣны, реставрированная въ болѣе или менѣе недавнее время [XIV вѣкъ въ Измукширѣ, XIX въ Хезараспѣ), представляетъ кладку изъ сырцовога кирпича. Нижняя часть, наиболѣ древняя, представляетъ монолитную массу. Трудно сказать, были ли тутъ земляные кирпичи или клались комья глины. Жженога кирпича мало. Онъ употреблялся изрѣдка въ видѣ узкихъ полосъ, вѣроятно для пороговъ или подножія столбовъ. Въ Дарганата есть широкій помостъ изъ кирпича, покрытый углемъ, повидимому полъ сгорѣвшаго зданія. Въ Измукширѣ стоитъ каменное издѣленіе изъ камня, которое мнѣ пришлось встрѣтить. Я также не видѣлъ слѣдовъ глазированныхъ кирпичей. Всѣ полные куски, которые я подымалъ оказывались кусками посуды. Сырцовая кирпичная стѣна не всегда сохраняетъ свои контуры, но, разъ опустившись и принявъ видъ земляного вала, прекрасно противустоитъ разрушительному вліянію времени. Тоже самое можно сказать и про своды. Арки воротъ рухнули вездѣ кромѣ Хезараспа, гдѣ ворота въ порядкѣ. Въ Измукширѣ и Бадрикентѣ есть засыпанные землею куполообразныя земляныя зданія, но если изъ подъ свода выгребать песокъ, онъ осѣдаетъ.

Особое мѣсто занимаетъ Дарганата, расположенное на краю возвышенной плоскости и господствующее надъ низменностью. Тутъ конечно озера кругомъ не было. Въ остальномъ Дарганъ подходитъ къ прочимъ крѣпостямъ. Кургановъ, которыми переполнена Бухара по Зарявшану, въ Хивѣ очень мало. Самый большой изъ виденныхъ мною находится около стараго устья

Палванъ Арыка и приписывается Чингизъ Хану, который будто бы приказалъ каждому человѣку изъ его войска бросить горсть земли.

Изъ остальныхъ сооружений самыми замѣчательными являются каналы. Насколько существующіе каналы древни, сказать не могу ввиду измѣненія русла Аму-Дарьи, но во всякомъ случаѣ каналы въ Хивѣ были вырыты одновременно съ первыми прочными зачатками культуры.

Еще на пароходѣ выяснилось, что праздники, которые по первому предположенію должны были начаться на другой день по пріѣздѣ Наслѣдника въ Хиву, могутъ открыться не ранѣе 9 апрѣля, такъ какъ только къ этому времени поспѣютъ съѣхаться приглашенные съ разныхъ концовъ Ханства и могутъ быть доставлены скакуны для скачекъ. Поэтому мнѣ предстояло ожидать нѣсколько дней въ Хивѣ, и я рѣшилъ использовать это время для объѣзда мѣстностей, представляющихъ археологическій интересъ. На первомъ мѣстѣ стояли развалины Куны Ургенча, прежней столицы Хивы, разрушенной монголами, но доселѣ сохранившей для хивинцевъ значеніе первопрестольнаго города вродѣ нашего Кіева или Москвы. Наслѣдникъ съ свойственной ему любезностью самъ составилъ маршрутъ предполагаемой поѣздки въ Кятъ и Куны Ургенчъ съ заѣздомъ далѣе въ Мазлумъ Ханъ Сулу, гдѣ есть старинная гробница святого. Въ Куны Ургенчѣ, какъ потомъ мнѣ сказалъ Ханъ, есть два гумбеза т. е. зданія съ хорошо сохранившимися куполами и очень высокій минаретъ. Но по пріѣздѣ въ Хиву въ первый же вечеръ оказалось, что времени врядъ ли хватитъ для объѣзда всѣхъ намѣченныхъ мѣстъ, и поэтому Исламъ Ходжа предложилъ мнѣ ограничить поѣздку посѣщеніемъ Измукшира, древней крѣпости, около которой былъ славный нѣкогда, но совершенно исчезнувшій городъ. По разспроснымъ свѣдѣніямъ, при чемъ мнѣ оказалъ содѣйствіе, переводчикъ Хана с. В. И. Корниловъ, самыми старыми мѣстами въ Ханствѣ считаются нынѣ слѣдующія мѣстности. 1) Шахарликъ*) и 2) Адакъ,**) оба около Усть Урта въ юго западу отъ Аральскаго моря. 3) Шахсенемъ верстъ около ста отъ Измукшира на западъ въ пустыню, 4) Кунградъ 5) Куны

*) Не есть ли это древній Шехри Везиръ?, Селлизыръ у Дженкинсона.

**) По словамъ хивинцевъ въ Адакъ жилъ внукъ Тамерлана Султанъ Хусейнъ.

Ургенчъ, 6) Мазлумъ Ханъ Сулу около К. Ургенча, 7) Кятъ, 8) Измухширъ, 9) Бадрикентъ, 10) Хазараспъ, 11) Дарганъ Ата.

Одной изъ наиболѣе сохранившихся крѣпостей является Шахсенемъ, благодаря тому, что расположена въ совершенно безлюдной мѣстности и по дорогѣ мѣстами безводной. По словамъ г. Корнилова Шахсенемъ меньше Измухшира, но стѣны такой же громадной высоты и мѣстами повреждены. Зато внутри есть стѣны нѣкоторыхъ зданій, чего нѣтъ въ Измухширѣ. Вообще повидимому Шахсенемъ можетъ дать наиболѣе точную картину хивинскаго города XIII—XIV вѣка.

Въ означенное перечисленіе не входятъ города лежащіе на правомъ, русскомъ берегу Аму-Дарьи. Тамъ по словамъ родственника Мать Вафы Шарифъ Бая Ваизбабина есть урочище, называемое Улу Филь и Кучукъ Филь. что можетъ стоять въ связи съ древнимъ городомъ этого имени.

Я долженъ еще замѣтить, что за неимѣніемъ компаса я долженъ былъ обращаться для ориентировки къ мѣстнымъ жителямъ, гдѣ кубла (югъ) и арка (сѣверъ) при ихъ молитвахъ. Хивинцы вообще Мекку считаютъ на югъ отъ себя.

Измухширъ представлялъ для меня тѣмъ большій интересъ, что онъ обладалъ громадными стѣнами т. е. тѣмъ что обыкновенно является типичнымъ для древне арійскихъ городищъ: напр. Афросіаба въ Самаркандѣ, Ниссы около Асхабада и др.

И з м у х ш и р ъ.

За версту отъ Измухшира видны его громадныя стѣны, потомъ онѣ исчезаютъ за неровностями почвы, садами и стѣнами домовъ и вдругъ появляются снова.

Это громадная перовная линія массивной крѣпостной стѣны съ круглыми и четырехугольными башнями и выступами, расположенными на валу изъ плотной глины. Мѣстами видны проломы и обвалы. Съ трехъ сторонъ расположены культурныя земли, на сѣверо востокъ же тянутся летучіе пески. При приближеніи стѣны кажутся ниже, а валъ на которомъ они расположены какъ бы вырастаетъ. Рва, о которомъ говорили прежде географы, теперь нѣтъ. Крѣпостная ограда состоитъ изъ двухъ частей: нижней — массивнаго лесоваго вала съ довольно разнымъ профилемъ, и построенной на немъ стѣны изъ сырцоваго кирпича громадной толщины. Эта стѣна въ свое время представляла

образецъ военно-инженернаго искусства. Особенное вниманіе обращено на ворота. Двѣ башни вынесены внизъ. Дорога извиваясь между ними, подвигается вверхъ, и между двумя другими башнями были расположены ворота, ведущіе въ городъ. Внутренность крѣпости представляетъ неровную поверхность съ холмами и возвышеньями. Ворота двое съ юга и востока; сѣверная стѣна снаружи нѣсколько ниже южной. Длина крѣпости болѣе 500 шаговъ, ширина около трехсотъ. Изъ воротъ спускъ внизъ. Во внутрь налево на бугрѣ — могилы. Направо — отверстіе колодца, облицованнаго кругами изъ жженой глины. Колодезь до верху наполненъ землей. Вездѣ мелкіе холмики, точно могилы. Но это на самомъ дѣлѣ слѣды хищническихъ раскопокъ. Около ста лѣтъ тому назадъ къ Измухширу, стоявшему въ безводной пустынѣ, была проведена снова вода. Кругомъ поселились осѣдло туркмены и занялись систематическими раскопками, дававшими по ихъ словамъ хорошіе результаты, что указывало повидимому, что городъ не былъ постепенно покинутъ жителями, а погибъ внезапно при какомъ либо нашествіи непріятеля. Раскопки повидимому велись не глубоко въ верхнемъ наносномъ слое глубинной отъ полу до полутора аршина, но потревожено много цѣнной въ историческомъ смыслѣ кирпичной кладки. Вездѣ масса осколковъ фарфоровой, фаянсовой, глиняной и стеклянной посуды. Далѣе направо мѣсто, гдѣ по словамъ жителей стоялъ минаретъ изъ жженого кирпича, разобранный и перевезенный въ Ташаузъ. Но человекъ, сдѣлавшій это умеръ, и изъ его потомства не осталось никого. Тутъ же виденъ слѣдъ купола изъ сырцовога кирпича. Жители говорятъ, что здѣсь было мадресе. Налево въ сѣверо западномъ углу холмъ, гдѣ были каменные подножія деревянныхъ колоннъ. Одно довольно грубой работы тамъ до сихъ поръ, но сдвинуто шаговъ на 10—12 съ первоначальнаго мѣста, другія — увезены. Одно изъ нихъ мнѣ показывали въ домѣ старшины.

Около этого мѣста гладкая впадина. Здѣсь по преданію былъ базаръ. О знаменитой тюрьмѣ и желѣзныхъ воротахъ я ничего не слыхалъ на мѣстѣ.

На сѣверо-востокѣ среди подвижныхъ песковъ виднѣется въ разстояніи менѣе версты какое то зданіе. Я поѣхалъ туда. Это была по словамъ жителей кебутерь хана (голубятня) и дѣйствительно зданіе внутри наполнено полукруглыми впадинами. Далѣе виднѣются слѣды еще повидимому подобнаго зданія, но

оно обратилось въ безформенную кучу. Но самое интересное — это то, что между кучами передвигающагося песка видна твердая солончаковая почва вся усыпанная кусками кирпича и посуды на протяженіи около версты отъ стѣнъ крѣпости къ сѣверо востоку, что показываетъ, что здѣсь былъ расположенъ большой городъ. Простирались ли городъ съ другихъ сторонъ крѣпости сказать нельзя, такъ какъ земля вся распахана и засѣяна, и только движущіеся пески спасли съ одной стороны остатки прошлаго. Я сдѣлалъ попытку пріобрѣсти что либо отъ туземцевъ. Сначала они отказывались. Но потомъ принесли мнѣ мѣдный подсвѣчникъ ввидѣ широкаго низенькаго треножника съ куфической подтисью, мѣдный длинный подсвѣчникъ, массивное мѣдное кольцо, мѣдные гирьки для вѣсовъ, свайку видѣ бараньяго позвонка, обломки мѣди съ куфическими буквами, болѣе десятка монетъ болѣе или менѣе пострадавшихъ съ старинными мусульманскимъ письмомъ, два пузырька изъ стекла. Все это относится къ мусульманскому времени. Въ день отъѣзда мнѣ удалось пріобрѣсти двѣ единственныя до мусульманскія вещи: печать изъ бѣлой яшмы съ изображеніемъ человѣка, ударяющаго копьемъ кабана, стоящаго на заднихъ лапахъ, и амулетъ съ клинописью.

Судя по тому, что человѣкъ изображенъ въ штанахъ, печать эта не можетъ относиться ни къ ахеменидскому, ни къ греческому періоду, а скорѣе къ парянскому или сассанидскому. Сассаниды, судя по барельефамъ любили охоту на кабановъ, а цари Ниссы по свѣдѣніямъ Ибнъ-Хордадбиха пазывались Абразъ, что Гуйе и Нельдеке сближаютъ съ Варазъ — кабанъ.

Туземцы, указывая въ пески на сѣверъ, увѣряли, что тамъ прежде протекала Аму-Дарья въ нѣсколькихъ верстахъ и что городъ получалъ воду прямо оттуда.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о мѣстности, гдѣ лежитъ Измухширъ.

Географическое строеніе этой мѣстности и топографическія съемки (сравнить 10 и 2-хъ верстныя карты Штаба Турк. Воен. Округа) съ нанесенными на нихъ слѣдами прежняго русла и каналовъ Аму-Дарьи показываютъ, что Измухширъ лежитъ на самомъ старомъ и самомъ западномъ руслѣ Аму-Дарьи, называемомъ въ этомъ мѣстѣ Дауданъ или Куня Дарья, а далѣе на западъ — Узбой. Если когда нибудь Аму-Дарья доходила до Каспійскаго моря, то воды ея протекали тогда возлѣ стѣнъ Измухшира. Слѣдуя своей общей тенденціи Аму-Дарья отошла

на востокъ, точнѣе сѣверо востокъ. Цѣлая сѣть каналовъ,*) цѣлый комплексъ древнихъ городовъ, къ которымъ относятся Доу Кала, Гяуръ Кала, Шахъ Сенемъ, Измухширъ, Бадрикентъ и др. стали терпѣть отъ недостатка воды.

Главное теченіе Дарьи устремилось по новому руслу съ отклоненіемъ на востокъ, называемому Дарьялыкъ. Русло это лучше сохранилось до сихъ поръ, хотя рѣка отошла въ третій разъ на востокъ и теперь подмываетъ окрестности Петроалександровска. На Дарьялыкѣ во время арабовъ процвѣталъ Джурджавіе, а затѣмъ Куны Ургенчъ. Богатство страны шло за рѣкой. Интересно, что эти города назывались Новымъ или Большимъ Хорезмомъ. Очевидно былъ и старый Хорезмъ. Гдѣ его искать. Мы думаемъ, что на прежнемъ руслѣ Дарьи на Дауданѣ. Здѣсь наиболѣе обширныя развалины представляетъ Измухширъ. Имя его напоминаетъ слово Хорезмъ Шехръ, Хорезміе грековъ искаженное тюрками. Отъ него и отъ Даудана идутъ каналы и пути по направленію къ Закаспійской Области, древней Парфіи, получавшей частью воду изъ Хорезма. Парфяне были въ тѣсномъ общеніи съ хорезмійцами. Узелъ главныхъ дорогъ Парфіи приходится около Измухшира.

Болѣе точныхъ данныхъ я не имѣю. Клинописный амулетъ, найденный въ Измухширѣ, еще не прочитанъ. Разборъ его надписи представить трудность. Алфавитъ мнѣ неизвѣстенъ. Онъ напоминаетъ упрощенный типъ персидской клинописи, которая въ свою очередь представляетъ переработку ассирійской. Подчиненность хорезмійцевъ персамъ во времена Ахеменидовъ даетъ основаніе полагать, что письмо Хорезмійцевъ могло быть клинообразнымъ. Это все, что мы можемъ сказать въ настоящее время.

Остается одинъ вопросъ о впаденіи Аму-Дарьи въ Каспійское море. Мы считаемъ этотъ вопросъ открытымъ и сами ничего не можемъ добавить за или противъ. Но развалины городовъ заставляютъ насъ высказать увѣренность, что хивинскій оазисъ простирался гораздо болѣе на юго западъ и промежутокъ между развалинами древнихъ хивинскихъ и закаспійскихъ городовъ несравненно меньше, чѣмъ та пустыня, которая нынѣ разделяетъ культурныя земли съ обѣихъ сторонъ.

Что же касается самой дельты около Аральскаго моря, то

*) Черменъ-Абъ, а также Нурумынь (Нериманъ) Абъ и Менгелы Кель, которые повидимому позднѣе были направлены къ Куны Ургенчу.

она повидимому при Геродотѣ, какъ и теперь, представляла сравнительно пустынную и мало населенную мѣстность.

Дальнѣйшія изслѣдованія намъ кажется должны вестись, опираясь на три русла, соотвѣтствующія тремъ эпохамъ: доисламской, домонгольской и новой. Начать можно съ Даудана мимо Измухшира до Шахсенема и Даукалы, по древней дорогѣ ведущей въ Парейю и Гирканію; пустыня есть лучшій хранитель древностей, которыя донныѣ ждутъ изслѣдователей. Нужно надѣяться, что это ожиданіе будетъ не напраснымъ. Хивинцы и ихъ культура до сихъ поръ мало привлекли вниманіе археологовъ. Нужно видѣть, чего стоило сооруженіе ихъ каналовъ, чтобы составить себѣ понятіе объ энергіи и трудолюбіи этого своеобразнаго народа, который, какъ древніе египтяне связалъ свою судьбу съ теченіемъ одной могучей исторической рѣки.

Бадрикентъ

Бадрикентъ, называемый на нашихъ картахъ Батыръ-Кентъ, теперь представляетъ крѣпость на островѣ. Крѣпость окружена водой. Имѣетъ снаружи стѣну окружность въ 1500 шаговъ. Одни ворота обращены на югъ. Хорошо укрѣплены. Тутъ островъ дѣлаетъ выступъ. Въ длину крѣпость имѣетъ 400 шаговъ, поперекъ немного болѣе 200. На сѣверъ другія ворота, не прямо противъ южныхъ, а нѣсколько вправо. Внутри крѣпости нѣсколько холмовъ, но въ общемъ много гладкихъ мѣстъ. На одномъ холмѣ возвышеніе съ воронкообразной ямой. Здѣсь говорятъ былъ бассейнъ. Дно его выше уровня земли, какъ проводили воду неизвѣстно. Слѣдовъ кирпичной облицовки нѣтъ, говорятъ ее сняли. Остальная часть холма представляетъ ровную площадь. На глубинѣ нѣсколькихъ вершковъ показываются слѣды угля. Наблюденія были сдѣланы въ трехъ или четырехъ мѣстахъ. Очевидно слѣды пожара, уничтожившаго какое то зданіе. Въ одномъ мѣстѣ виднѣлась небольшая кирпичная кладка, длиною немного болѣе аршинъ, шириною съ поларшина. Направленіе не соотвѣтствуетъ положенію мусульманской могилы. Повидимому это былъ базисъ, можетъ быть базисъ столба, но теперешнія базы колоннъ дѣлаются квадратными.

Базисъ былъ снова закрытъ землею. Края холма обнаружили стѣну изъ земляного кирпича, мѣстами стѣна покрыта;

осыпью земли мѣстами выступаютъ наружу. Въ другомъ холмѣ видны слѣды купола изъ земляного кирпича. Теперь куполообразныя крышки обязательны только для медресе и могилъ. Третій холмъ увѣчанъ могилой какого то современнаго святого. Прочія кучи меньшей величины. Въ юго-восточной башнѣ съ прекрасными точно шлифованными земляными стѣнами, на стѣнахъ вырѣзаны мусульманскія имена и грубые изображенія лошадей. Возможно, что они современные; начертаны въ безпорядкѣ, кое какъ, какъ каракули.*) На берегу противъ насыпи, ведущей къ южнымъ воротамъ два холма. На одномъ могила современнаго святого. Озеро вокругъ крѣпости образовалось очевидно вслѣдствіи выниманія земли для постройки стѣнъ.

Мѣстность кругомъ озера обработана и населена. Жители говорили, что древностей не находили. Жители—осѣдлые туркмены—іомуды.

Хезараспъ.

Хезараспъ по словамъ хивинцевъ одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ. Мѣстность кругомъ очено болотистая, низменная и должна быть нездоровой, если болота не пересыхаютъ лѣтомъ. Главной достопримѣчательностью является цитадель, расположенная на островѣ или точнѣе на полуостровѣ, такъ какъ съ сѣверной стороны вода высыхаетъ. Я осматривалъ только крѣпость. Но при проѣздѣ черезъ городъ я видѣлъ стѣны города, застроенныя базарами и предмѣстьями, но повидимому очень старыя и представляющіе археологическій интересъ. Вообще Хезараспъ—единственный изъ древнихъ городовъ Хивы, въ которомъ жизнь бьетъ ключемъ и повидимому никогда не прекращалась. Это имѣетъ большое значеніе для сохраненія древнихъ памятниковъ, ибо хотя они съ теченіемъ времени подвергаются передѣлкамъ сообразно новымъ вкусамъ и потребностямъ, но все таки имѣютъ больше шансовъ сохраниться, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда городъ вовсе оставляется жителями, и вновь пришедшіе переселенцы начинаютъ распахивать землю и обрабатывать ее подъ пашни, огороды и сады, какъ я это видѣлъ въ Измукширѣ, Бадрикентѣ и Дараганѣ, что совершенно сти-

*) Внутри крѣпости попадаются сломанные куски кирпича и остатки глиняной посуды, но не особенно много. Цѣлые кирпичи увозятся жителями. Въ одномъ мѣстѣ глину изъ стѣны увозятъ на арбахъ.

раются съ лица земли очертанія бывшего города. Еще лучше сохраняются древности, если какъ въ Шахъ Сенемъ, обезводненная мѣстность, принявшая характеръ пустыни, отвращаетъ наплывъ новыхъ посѣтителей.

Цитадель Хезараспа расположена посреди озера, образовавшагося послѣ вынута земли для постройки крѣпости. Доступъ въ нее — одинъ съ южной стороны по насыпи. Входъ въ нее защищенъ съ твердой земли башнями и укрѣпленіями, которые застроены лавками базара. Длинная насыпь упирается въ единственный ворота Дервазеи Миршебъ, или Пашебъ что значитъ одно и то же. Крѣпость имѣетъ около двухсотъ шаговъ въ длину и около четырехсотъ въ ширину. Налѣво отъ входа совершенно новое медресе, построенное на возвышеніи, что дастъ основаніе полагать, что подъ нимъ былъ фундаментъ болѣе древняго зданія. Рядомъ домъ казіевъ. Въ немъ и въ медресе есть каменные основанія для деревянныхъ колоннъ, взятые съ другого мѣста; прямо противъ входа пустырь. Здѣсь стоитъ стѣна съ изразцами съ обѣихъ сторонъ, остатки дворца Рахманъ Кули Инака, построеннаго въ первой половинѣ XIX вѣка. Орнаментъ очень хорошъ.*) Направо пустырь. Въ углу утолщенія стѣны Поднявшись на него, я увидѣлъ отверстія въ полу. Очевидно тутъ есть завалившіяся комнаты. Я спросилъ, спускался ли туда кто нибудь. Мнѣ отвѣтилъ, что туда нельзя спускаться: это мѣсто охраняютъ дивы; одинъ человѣкъ спустился и вернулся безъ языка. Вообще все сооруженіе крѣпости приписывается дивамъ. Крѣпость зовутъ Калаи Хазрети Сулейманъ, также Калаи Дивъ Салганъ. Соломону вообще приписываютъ на востокѣ власть надъ геніями.

Остальная часть крѣпости занята домишками; среди нихъ мечеть, гдѣ похороненъ святой Шейхъ Гусейнъ Баба.

Мѣстность кругомъ Хезараспа густо заселена и изобилуетъ старыми кладбищами съ большими хорошо сохранившимися надгробными мечетями. Есть и могила дервишскаго ишана.

Дарганъ Ата.

Отъѣхавъ версты полторы отъ бухарской станціи, я подѣхалъ къ крѣпости Дарганъ Ата Ныѣшняя развалина по видимому тожественна съ крѣпостью, которую посѣтилъ Якутъ

*) Нѣсколько кирпичей взято мною для Ташкентскаго музея,

Равнина обрывается круто, какъ терраса, у подножія которой простирается плодородная низменность шириной отъ 3 — 4 верстъ до Аму-Дарьи. Мѣстность эга частью обработана, частью покрыта зарослью (тугаи). Крѣпость стоитъ на природномъ выступѣ возвышенности, окружена стѣной и представляетъ продолговатый четырехугольникъ. шаговъ 250 въ ширину и нѣсколько болѣе (около 320) въ длину. Съ востока и запада ворота. Съ запада около крѣпости небольшое куполообразное зданіе, къ востоку мусульманское кладбище, какъ говорятъ старинное, мнѣ его не удалось посмотрѣть. сзади крѣпости — мечеть построенная Матъ Аминъ Ханомъ. Ее снизу не видно. У подножія крѣпости, какъ мнѣ говорилъ начальникъ почтово телеграфной станціи г. Лукьяновъ, имъ былъ обнаруженъ случайно при проѣздѣ подземный ходъ съ остроконечнымъ сводомъ выложеннымъ кирпичемъ. Туземцы желали выломать кирпичъ, но г. Лукьяновъ приказалъ засыпать входъ, чтобы избѣжать несчастій съ людьми. Мѣсто легко узнать по кучѣ сломаного кирпича. Ходъ не былъ изслѣдованъ. Крѣпость внутри представляетъ любопытную особенность: она раздѣлена стѣной на двѣ половины. Мѣстные жители говорятъ, что тутъ одновременно царствовали два хана. Внутри крѣпость представляетъ почти ровную площадь съ сильно сглаженными буграми. На одномъ изъ нихъ болѣе высокомъ въ западной части есть слѣды угля и изъ подъ земли видѣнъ помостъ изъ жженного красноватаго кирпича. Тутъ же валяются остатки посуды.

Тутъ же я видѣлъ два одинаковыхъ глиняныхъ куска въ видѣ лимона. Г. Лукьяновъ нашелъ глиняный шаръ, полагають, что служилъ для пращи. Возможно, что видѣнные мною овалыные куски, сработанные по одному типу, служили той же цѣли. Жители заявляли, что никакихъ находокъ не дѣлали. Мнѣ удалось купить только одну мѣдную монету сильно стертую съ отдѣльными знаками стариннаго типа. У г. Лукьянова я видѣлъ другую монету лучше сохранившуюся съ датой половины XIV вѣка (740 гижры). Стѣны крѣпости насвозъ пробиты потоками дождевой воды изъ степи, у одного края южной стѣны образующаго опасную и очень глубокую трещину, имѣющую можетъ быть сообщеніе съ подземнымъ ходомъ.

Куполообразное зданіе находится снаружи стѣнъ къ западу и отдѣлено глубокой промоиной, повидимому очень недавней. Это квадратъ въ пять шаговъ въ поперечникѣ. Въ сторону

крѣпости дверь, въ другую сторону большой проломъ. По словамъ сопровождавшаго меня хивинца здѣсь жилъ святой Ходжа Хыдырь и мать его Нуръ Эльты.

Они питались молокомъ дикихъ козъ (кіикъ), которыя приходили изъ пустыни и Нуръ Эльты доила ихъ. Посреди пола углубленіе съ костями повидимому недавними, самъ же святой и его мать погреблены въ мечети.

Мечеть эта сзади крѣпости — высокое зданіе съ фронтономъ и острымъ куполомъ построенное Мать Аминъ Ханомъ въ первой половинѣ XIX в. Сбоку примыкаетъ низкая куполообразная постройка, болѣе старая. Внутри мечети — могилы. Надгробія недавней работы, но самыя могилы очень древнія. Надписей нѣтъ. Сопровождавшіе меня хивинцы сказали, что тутъ похоронены Абу-Муслимъ Шахъ, Музрапъ Шахи Хорезмъ, Уста Хурдекъ (кузнецъ) и Махмудъ Шахъ. Сбоку на право входя въ куполообразный мавзолей. Туда войти мнѣ нельзя было. Тамъ находятся могилы Ходжи Хыдыра и Нуръ Эльты. Въ мечети стоятъ два деревянныхъ куска повидимому отъ старой двери, покрытые рѣзной надписью. Мулла списалъ ее, но съ ошибками, такъ какъ надпись — персидская.

Въ надписи говорится, что Мать Аминъ возобновилъ это зданіе.

Бладбища къ востоку я не осматривалъ. Городъ по Явуту лежалъ у подножія крѣпости. Теперь эта мѣстность большей частью обработана, и, по словамъ жителей, древнихъ остатковъ нѣтъ.

Основаніе города приписываютъ какому то царю „Даку Юнисъ“. Про него существуетъ легенда. Сбивчивый переводъ тюркскихъ переводчиковъ не далъ мнѣ возможности разобраться въ ней. Дѣло шло о перемѣнѣ вѣры и связанныхъ съ ней волненіяхъ народа. Слово Даку относятъ вообще къ македонскимъ и греческимъ властителямъ послѣ Александра. Повидимому это испорченное Діадохъ.

А. Калмыковъ.

2
Ф 5119 М 69
50 16 кл
807-04
3624
812-13
146
Емлюна 69

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и Секретаря Отдѣленія **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ I

Годъ XVIII

1909

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.
1909.

Наша этнографическая литература бѣдна трудами, посвященными изслѣдованію быта сибирскихъ инородцевъ; наконецъ, многіе изъ этихъ трудовъ значительно устарѣли и не отражаютъ новыхъ явленій, возникающихъ въ инородческомъ быту. А между тѣмъ, дни нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ уже сочтены, и не за горами то время, когда завершится процессъ ихъ вымиранія, какъ завершился онъ у нѣкоторыхъ племенъ, обитавшихъ по берегамъ р. Кана, описанныхъ Кастреномъ.

Настойчиво и подробно отмѣчаетъ г. Передольскій причины вымиранія остяковъ и въ числѣ этихъ причинъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ ужасающая эксплуатація остяковъ русскими торговцами. „Ты видѣлъ, какъ мы живемъ,—говорили автору дикари,—и какъ придешь въ тотъ городъ, гдѣ царь живетъ, такъ и Расскажи большіимъ начальникамъ, какъ живутъ азіатцы“...

Ив. Абрамовъ.

Материалы по изученію гиляцкаго языка и фольклора, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергомъ. Т. I. Образцы народной словесности. Ч. 1-я. Эпосъ (поэмы и сказанія, первая половина). Тексты съ переводомъ и примѣчаніями. Спб. 1908 г.

Настоящее изслѣдованіе представлено г. Штернбергомъ въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 24 мая 1900 г. Въ I часть труда Л. Я. Штернберга вошли 14 героическихъ поэмъ на восточномъ діалектѣ и одна на западномъ и 27 сказаній на восточномъ діалектѣ. Сюда же вошли варианты, записанные Б. О. Пилсудскимъ. Переводъ текста, по словамъ собирателя, сдѣланъ почти дословно. Каждый текстъ снабженъ подробными фольклорными примѣчаніями, гдѣ, кромѣ объясненія наиболѣе трудныхъ мѣстъ перевода, выясняются особенности быта, психики и религиозныхъ воззрѣній изслѣдуемыхъ инородцевъ. Если принять во вниманіе, что гиляки, быть можетъ, доживаютъ послѣдніе годы, что въ настоящее время ихъ насчитывается уже менѣе 6 тысячъ душъ, станетъ вполне ясно, какъ велика заслуга г. Штернберга, изучившаго ихъ фольклоръ и сохранившаго духовныя богатства угасающаго племени для потомства. Языкъ и фольклоръ этого племени представляютъ для науки колоссальный интересъ хотя бы потому, что могутъ пролить свѣтъ на темнѣйшую страницу этнографіи—на древнюю связь между народами Восточной Азіи и Сѣверной Америки.

Ив. Абрамъ.

А. Калмыковъ. Хива.—(Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологій. Годъ двѣнадцатый. Ташкентъ. 1908. Стр. 49—71).

35 лѣтъ прошло со времени Хивинскаго похода, Хивинское-же ханство, его населеніе, языкъ, бытъ, нравы населенія извѣстны намъ все еще въ самыхъ общихъ, весьма неопредѣленныхъ чертахъ и то больше со словъ путешественниковъ до и около 1873 года. Специально подготовленныхъ изслѣдователей—этнографовъ мало, когда-то еще они доберутся до Хивы, а тѣ, кто по службѣ, да по своимъ

дѣламъ живутъ годами подъ самымъ ханствомъ или временами наѣзжаютъ въ гостепріимную страну Ханъ-Азрета, не дошли еще, видно, до сознанія важности изученія невѣдомыхъ мѣстъ и народовъ и не чувствуютъ особаго неудобства для себя жить и дѣйствовать во мракѣ. Дѣло обстоитъ, какъ извѣстно, именно такъ, и не съ одной только Хивой..

Тѣмъ пріятнѣе привѣтствовать рѣдкія исключенія, но и тѣмъ бережнѣе приходится критиковать эти исключенія. — Чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, состоящій при Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, А. Д. Калмыковъ, извѣстный рядомъ научныхъ работъ по Востоку, сообщаетъ въ статьѣ „Хива“ свои разнообразныя наблюденія, сдѣланныя имъ во время кратковременнаго пребыванія въ Хивинскомъ ханствѣ.

Авторъ прежде всего отмѣчаетъ, что „населеніе Хивы сохранило до сихъ поръ свой собственный своеобразный характеръ“, а затѣмъ касается то совсѣмъ бѣгло, то нѣсколько подробнѣе, часто съ привлеченіемъ сравнительнаго матеріала, слѣдующихъ 15 вопросовъ изъ настоящаго (1—14) и прошлаго (14—15) Хивы: 1) костюмъ хивинца (стр. 49—50); 2) жилье хивинца (усадебъ, обстановка комнаты, сады—стр. 50—51); 3) арба (51—53); 4) лодка (53); 5) административная организація сельскаго населенія (53—54); 6) искусственное орошеніе (54); 7) сборъ податей (54); 8) казін (54—55); 9) базары (55); 10) райсъ (55—56); 11) городъ (56); 12) отпусканіе косъ у мальчиковъ (56); 13) хивинская литература (отдѣльная глава, стр. 56—58; приводится два образца—въ текстѣ и переводѣ—стиховъ персидскаго поэта XII в. Ватвота); 14) искусства (отдѣльная глава, стр. 58—63: рѣзба по дереву и камню; глазированные кирпичи; матеріи; глиняныя чашки и тарелки; мѣдная посуда; древнѣйшія хивинскія постройки; курганы; каналы); 15) археологическое описаніе древнихъ городовъ: Измуеширъ (63), Бадрикентъ (67), Хезараспъ (68), Дарганъ-ата (69).

По пунктамъ, касающихся прошлаго Хивы, отмѣтимъ только соображеніе автора (67), что археологическія изслѣдованія должны вестись въ ханствѣ, опираясь на три русла Аму-дарьи, „соотвѣтствующія тремъ эпохамъ: доисламской, домонгольской и новой“, и присоединимъ къ его пожеланію (ibid), чтобы эти изслѣдованія не заставили себя долго ждать. Въ остальныхъ пунктахъ позволимъ себѣ исправить нѣкоторыя неточности или кое-что пояснить.

1) Въ костюмѣ хивинцевъ (преимущественно городскихъ, но отчасти и сельскихъ) произошелъ рядъ перемѣнъ за послѣдніе 35—40 лѣтъ подъ влияніемъ туркменовъ, татаръ, которыхъ въ Средней Азіи называютъ „погай“, и русскихъ (въ самой незначительной степени); форма теперешней шапки (чѳурма) — туркменско-иумудская; раньше хивинцы носили шапки не придавленные сверху, а высокія, кверху расширяющіяся; шапку стараго образца теперь носить только ханъ въ торжественныхъ случаяхъ. Бѣлая шапка, кромѣ прислуги и крестьянъ, какъ пишетъ А. Д. Калмыковъ, носятъ еще духовные лица; такъ, я видѣлъ бѣлую шапку, между прочимъ, на головѣ райсы Старога Ургенча. Выѣстъ съ формой шапки перемѣнилась у хивинцевъ и форма тюбетейки, которая изъ высокой и остроконечной обра-

тилась въ чашкообразную; старый образецъ тибетейки я видѣлъ въ округѣ Порсу у турменскаго племени *чоудоръ*, но чоудорецъ теперь давлываетъ особымъ способомъ острый конецъ колпака, чтобы онъ могъ умѣститься подъ шапкой.

2) А. Д. Калмыковъ пишетъ: „Насколько турменъ любитъ жить въ кибиткѣ и кочевать съ мѣста на мѣсто, настолько хивинецъ дорожитъ своимъ домомъ и своей осѣдлостью“. Во-первыхъ, если теперь еще и есть въ Средней Азій чистокочевые турмены, то ихъ крайне мало: это скотоводы песковъ къ югу отъ Хивы; большинство турменовъ, какъ извѣстно, ведетъ уже полу-кочевой образъ жизни, много ихъ и окончательно „осѣло“, какъ въ Закаспійской Области (теке Мерва), такъ и въ Персіи (гокланы), и въ Бухарѣ (эрсаринцы) и, наконецъ, въ Хивѣ (большая часть іомудовъ, эмрели, карадашлы, гокланы, чоудоры, арабачы). Во-вторыхъ, что такое хивинцы? Такого племени, строго говоря, нѣтъ; кромѣ разныхъ турменскихъ племенъ, казакъ-киргизовъ, кара-калпаковъ, выходцевъ изъ Персіи, Афганистана, Россіи (татары, уральцы, нѣмцы) въ Хивѣ обитаютъ: отуреченные потомки прежняго иранскаго населенія страны — *сарти* — и новые господа края — *узбеки* разныхъ племенъ (конградъ, найманъ, уйгуръ, канглы, кенегесъ и др.). Издавна осѣдлыми являются только сарты, а узбеки въ осѣдломъ быту — новички: достаточно указать, что даже ханъ до сихъ поръ зимой предпочитаетъ жить въ кибиткѣ, которая ставится на дворѣ его замка на нарочно для сего приготовленномъ мѣстѣ; особое мѣсто для кибитки и сама кибитка (кара — *дй*) имѣются и у всѣхъ хивинскихъ сановниковъ, и у простыхъ узбековъ.

4) Лодокъ въ Хивѣ нѣсколько образцовъ; я видѣлъ три; отличаются онѣ и размѣрами, и названіями. Помимо парусовъ, пользуются для передвиженія шестами, лямкой и веслами.

6) Говоря объ искусственномъ орошеніи въ Хивѣ, необходимо упомянуть, что почти неизбѣжной его принадлежностью является чигирь (чигыр), приводимый въ дѣйствіе лошадьми, быками, верблюдами, а на большихъ каналахъ и теченіемъ воды. Трели соловьевъ и визгъ водочерпальныхъ колесъ — вотъ главные звуки, раздававшіеся въ моихъ ушахъ во время поѣздки по Хивинскому ханству въ май и іюнь 1903 года.

8) Сельское населеніе Хивы приходитъ въ соприкосновеніе, хотя бы и по своимъ частнымъ нуждамъ, не только съ сельской и базарной администраціей, но и съ хакимомъ данной области, а при малѣйшемъ желаніи и съ самимъ ханомъ. Это очень характерно для Хивы; сами хивинскіе жители, любящіе проводить сравненія въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ (включая аиста и соловья) между своей родиной и презираемой ими Бухарой, указываютъ, между прочимъ, что эмиръ сносится со своимъ народомъ чрезъ бумагу и чиновниковъ, а ханъ — непосредственно; ханъ ежедневно творитъ судъ и расправу въ своей резиденціи, и каждый житель страны имѣетъ къ нему доступъ помимо всякихъ инстанцій. И уже непременно долженъ предстать предъ ханомъ тотъ, кто совершилъ преступленіе, караемое смертной казнью, такъ какъ никто кромѣ хана не властенъ въ Хивѣ отнимать у человѣка жизнь по суду.

13) О Хивинской литературѣ я намѣренъ сдѣлать сообщеніе въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же ограничусь оговоркой, что трудъ персидскаго историка *Миршонда* начали переводить на узбекскій языкъ по приказанію не нынѣшняго хана, а Мухаммедъ Рахима I, въ 1234 году Гиджры, т. е. по нашему въ 1818—19; переводили много лѣтъ преимущественно извѣстные хивинскіе литераторы, начиная съ Муниса.

14) На фразу „Вышивокъ я не видѣлъ вовсе“ я сослался въ своемъ отчетѣ¹⁾ при перечисленіи вышивокъ, собранныхъ мною для этнографическаго музея Академіи Наукъ.

Въ общемъ, многое изъ сообщеннаго А. Д. Калмыковымъ касательно быта хивинскаго населенія извѣстно, и болѣе подробно, изъ показаній старыхъ путешественниковъ, съ которыми такъ удобно знакомились въ Ташкентѣ по „Туркестанскому сборнику сочиненій и статей, относящихся до Средней Азій вообще и Туркестанскаго края въ особенности“ (Туркестанская публичная бібліотека).

А. Самойловичъ.

А. А. Володинъ. 1) Трухменская степь и трухмены. 2) Изъ трухменской народной поэзіи. Его же. (Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. Вып. 38, Тифлисъ, 1908 г.)

Двумя этими тѣсно между собой связанными статьями А. А. Володинъ сдѣлалъ достойный вниманія вкладъ въ не по заслугамъ бѣдную литературу о *туркменахъ*. Авторъ даетъ всестороннее сообщеніе о туркменахъ Ставропольской губерніи, являющихся осколкомъ туркменовъ Мангышлацкаго полуострова.

Первая статья состоитъ изъ 13 главъ; первыя 4 главы заключаютъ въ себѣ описаніе границъ и географическаго положенія Трухменской степи, топографіи, гидрографіи, почвы, флоры, фауны и климата этой мѣстности (стр. 1—22). Упрекъ за одинъ важный недочетъ этихъ 4 главъ падаетъ прежде всего на автора, но также и на тѣ ученые учрежденія, которыя, несомнѣнно, недостаточно энергично популяризуютъ несложные, но первостепенно необходимые, правильные приемы собиранія на мѣстахъ сырого научнаго матеріала. Авторъ не использовалъ представлявшейся ему полной возможности обогатить рядъ научныхъ областей (географію, ботанику, зоологію) крайне цѣнными *мѣстными терминами*. Число случайно сообщенныхъ авторомъ въ 4-хъ главахъ такихъ терминовъ ничтожно.

Остальныя 9 главъ первой статьи посвящены прошлому края (слабо), исторіи „трухменовъ“ (немного), статистикѣ населенія края и всестороннему этнографическому описанію „трухменовъ“; говорится о физическомъ развитіи „трухменовъ“, ихъ языкѣ, письменности, религіи; жилищѣ, одеждѣ, обуви, пищѣ; препровожденіи свободнаго времени (*танцы*, *пѣсни*, *праздники*); обрядахъ и обычаяхъ (свадьба, похороны, проводы пилигрима въ Мекку), воспитаніи дѣтей, занятіяхъ жителей, гигиеническомъ и санитарномъ состояніи населенія. Последняя глава заключаетъ „Краткій историческій обзоръ управленія

¹⁾ № 9 Извѣстій Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азій, стр. 13 отд. оттиска.